

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	4
<i>I. Теория. Метод. Доказательность</i>	
[1] От интегрального к аспектвному (2019)	7
[2] Что и зачем. Научная статья. Научные статьи (2019)	39
<i>II. Диахрония. Синхрония. Динамика</i>	
[3] Die unpersönlichen Satzmodelle in der altisländischen Sprache (1989)	67
[4] Между синхронией и диахронией. Просодические противопоставления в скандинавских языках (1999)	82
[5] Раннегерманское ударение: Фонетика и компаративистика (2006)	99
[6] Кому <i>проспати заутреня</i> и <i>ловити рыба</i> ? Именительный падеж дополнения инфинитива как предмет грамматического описания (2018–2019)	148
[7] Два диалекта русской грамматики: корпусные данные и модель (2018)	184
<i>III. Семантика в зеркале грамматики</i>	
[8] История одной полемики (1998)	203
[9] Субъект состояния и субъект оценки (1999)	236
[10] Русские предикативы в зеркале эксперимента и корпусной грамматики (2017)	243
[11] Имперсональные конструкции и дативно-предикативные структуры в русском языке (2017–2018)	261
[12] Эпистемические предикаты и ментальные состояния (2017)	288
[13] Обладать и быть рядом (1999)	308
[14] Логика прогноза (1997)	319
<i>IV. Делить на два. Неканонические подлежащие</i>	
[15] Dative Subjects and Semi-Expletive Pronouns in Russian (2007–2008)	331
[16] Неканонические подлежащие в русском языке (2011)	346
[17] Sentential Arguments and Event Structure (2014)	369
[18] Корпусная грамматика количественных групп в русском языке (2019)	385
[19] Топикальность и неканонические подлежащие в русском языке (2019)	403
<i>V. Порядок слов. Теория и типология</i>	
[20] Локальные и глобальные правила в синтаксисе (2008)	415
[21] Системы порядка слов в славянских языках (2012)	435
[22] A unified analysis of clitic clusters in world's languages (2012)	478
[23] Clitic templates and discourse marker <i>ti</i> in Old Czech (2013)	495
[24] Parametrizing Verb-Second Languages and Clitic-Second Languages (2015)	507
[25] 1P orders in 2P languages (2015)	519
<i>VI. Текст и язык</i>	
[26] Порядок, метр, прием (2003)	543
[27] The text-building function of names and nicknames in «Sverris saga» and «Böglunga sogur» (1994)	554
[28] Бремя чужих слов (1998)	566
Литература	569
Тематический указатель	604
English summaries	635

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Эта книга содержит работы, написанные в течение тридцати лет, с 1989 по 2019 г. Они разбиты на шесть разделов, носящих названия «Теория. Метод. Доказательность», «Диахрония. Синхрония. Динамика», «Семантика в зеркале грамматики», «Делить на два. Неканонические подлежащие», «Порядок слов. Теория и типология» и «Текст и язык». Первый раздел написан хронологически самым последним. Главная тема книги — соотношение частной и общей лингвистики, вклад первой во вторую. Обосновываются принцип множественности лингвистических описаний и приоритет аспективных описаний над интегральными, претендующими на полный охват некоторой области языковых явлений. Вторая тема книги — обоснование роли статьи как жанра лингвистического исследования столь же важного, как монография и квалификационная работа. Последние по условию должны стремиться к полному охвату явления. Задача статьи — точно выделить сам объект и поместить его в правильный контекст. Лингвистика является наукой в той мере, в которой она позволяет строить модели, предсказывающие распределение языковых черт на некотором эмпирическом материале. Если объект выделен неверно, ничего предсказать не удастся. Если предиктивная модель содержит лишнюю информацию, предсказание будет неточным, что можно установить, параметризуя языковое многообразие и проверяя модель на некотором множестве языков мира. Все интегральные концепции языка, претендующие на полный охват языковых явлений, на деле хорошо описывают лишь малую их часть. Преодолеть этот изъян можно, применяя принцип множественности описания, аналогичный принципу дополнительности Бора в естественных науках. Проверка того, действительно ли лингвистика является естественной наукой, зависит от того, в какой мере аспективные исследования языка поддаются гармонизации. Современный лингвист должен уметь строить предиктивные модели, которые хорошо работают на некотором материале и не зависят от выбора какой-то одной глобальной теории языка. Это налагает на него обязательство очертить контуры набора теоретических объяснений, с которыми совместимо предложенное им объяснение. Если угодно, он должен очертить контуры возможных теорий более общей области явлений сам. И это, при всех трудностях, более перспективный путь, чем подстраиваться под догматические допущения существующих интегральных теорий языка.

Антон Циммерлинг, январь 2020 г.

I.
ТЕОРИЯ. МЕТОД.
ДОКАЗАТЕЛЬНОСТЬ

[1] ОТ ИНТЕГРАЛЬНОГО К АСПЕКТИВНОМУ

Аннотация. Обосновывается приоритет принципа множественности лингвистических описаний над описанием с позиций интегральных теорий языка, опирающихся на строго монистические принципы. Сложность естественного языка такова, что интегральные теории хорошо описывают лишь часть явлений, на объяснение которых они претендуют, и задают стандарт огрубления прочих языковых явлений. Поэтому точные аспективные описания, совместимые с разными глобальными теориями, должны считаться приоритетными. Критерием точности является возможность построить предиктивную модель, предсказывающую распределение языковых черт на некотором эмпирическом материале. Эффективность предиктивных моделей повышается при параметризации языкового разнообразия и проверке модели на некотором множестве языков или идиомов. Основной вклад интегральных теорий в науку состоит не в доказательстве заявленных деклараций о природе языка, а в разработке аппарата описания отдельных явлений языка. Попытки его распространения на другие явления языка снижают точность предиктивных лингвистических моделей, поскольку в саму формулировку этих моделей заложена избыточная информация. Лингвисты используют два типа модельных понятий, первый из которых соответствует логико-математическому, а второй — естественно-научному пониманию моделей. Модельные₁ понятия — метаязыковые категории, являющиеся частью некоторого согласованного набора категорий описания. В своей основе модельные₁ понятия универсальны. Модельные₂ понятия — гипотезы, проверяемые на некотором материале. Вопреки делавшимся утверждениям, модельные₁ понятия в полном объеме неустранимы из описания, но между модельными₁ понятиями и модельными₂ понятиями не всегда имеется соответствие. Глава иллюстрируется аспективным анализом двух проблем общей и частной грамматики — соотношения нулевой и ненулевой форм связки «быть» в русском языке и принципов упорядочения энклитик в классе языков мира с законом Ваккернагеля. Эти проблемы могут, и в большинстве случаев должны, рассматриваться как автономные, однако диахронический анализ на материале истории русского языка показывает, что они при определенных условиях могут рассматриваться и как связанные друг с другом.

Ключевые слова: естественный язык, предиктивные модели, интегральные теории, параметризация, монизм, множественность описания, принцип дополнительности, общая грамматика, частная грамматика.

I

Один выдающийся ученый (А. Гардинер) в свое время начал книгу с подзаголовком «Полемическое эссе» словами о том, что «любая дискуссия должна начинаться с пунктов согласия» [Gardiner 1940: 5]. Его современник утверждал, что «прежде, чем объединяться, и для того, чтобы объединиться, мы должны сначала решительно и определенно размежеваться» [Ленин 1900]. В известном смысле это одно и то же. Правда, первая формулировка характеризует научную процедуру, а вторая — условие взаимодействия людей, которых объединяют и противопоставляют

разные идеи, цели и интересы. Хорошо это или плохо, но прогресс науки в большинстве случаев связан не с прямым взаимодействием научных идей, а с коммуникацией ученых. Формально это всегда так, ведь наукой занимаются люди. Но применительно к наиболее фундаментальным результатам, будь то открытие Америки или нового химического элемента, закон всемирного тяготения или доказательство теоремы Ферма, можно считать, что в обществе современного типа, основанном на открытом доступе к информации, они будут быстро востребованы и осмыслены, независимо от особенностей коммуникации между учеными. Воспринятый обществом, в котором мы живем, идеал позитивного научного знания, благодаря которому общество финансирует науку, состоит в том, что таковы вообще все научные результаты в разных областях знания, и что даже самые частные и специальные исследования вносят вклад в построение общенаучного здания, предлагая если не открытие Америки, то хотя бы правильно сформулированные наблюдения, которые при надлежащем осмыслении могут в дальнейшем стать основой более общих гипотез.

Увы! Большинство работ в науке о языке не таковы. Даже если отвлечься от сопутствующих факторов, таких как непонятность проблемы для широкой публики, включая лиц, осваивающих и даже преподающих некоторый язык — английский, русский, древнегреческий, корейский и т. д., наличия симуляций с применением наукообразной терминологии, валидность многих добросовестных работ под вопросом. Остаются сомнения в том, что проблема поставлена правильно, объект выделен верно, а методы описания адекватны. Именно это, наряду с обстоятельствами, которые характеризуют внутреннюю организацию сообщества лингвистов: зависимость отклика от языка и места публикации, харизмы автора, его принадлежности к той или иной школе и коллективу ученых, — и является причиной того, что большинство лингвистических работ игнорируется коллегами.

В качестве иллюстрации обсудим частный вопрос описания языка, имеющего литературную традицию и обеспеченного лингвистическими ресурсами в виде грамматических очерков, словарей и корпусов текста. Есть ли в русском языке два разных глагола со значением «быть» или только один? Этому вопросу повезло (или не повезло) больше других: разные ответы на него запечатлены в нормативных описаниях русского языка, в том числе — в версиях школьных и вузовских курсов, ср. [Лекант 1974: 108; 2001; 2010; Ильенко 2016]. По одной точке зрения, впервые высказанной в знаменитой работе [Щерба 1928], связка ‘быть’, выражаемая нулевой формой (∅) в настоящем времени и ненулевыми формами *был* и *будет* в прошедшем и будущем времени, где в некоторых конструкциях она требует или допускает форму творительного предикативного падежа существительного в позиции присвязочного члена, ср. *Лев — ∅ автор ряда романов / был автором ряда романов, Маше ∅ холодно / было холодно, Директором будет Вася*, и глагол существования ‘быть’, реализующийся в настоящем времени в виде формы ‘есть’, — разные слова, чуть ли не разные части речи, при этом связка ‘быть’ по семантическим основаниям выносится из класса глагольных слов в особую часть речи, так как она якобы не имеет значения существования и лексического значения

вообще [Виноградов 1972: 529]. Тезис о полном отсутствии у связки лексического значения восходит к работе [Пешковский 1928: 303]. Эта точка зрения опирается на неортодоксальную и, возможно, ошибочную концепцию частей речи, ср. критику в [Шапиро 1955; Апресян 1985], и в любом случае на не разделяемые значительной частью лингвистов соглашения том, что такое часть речи. Альтернативная точка зрения, последовательно выраженная в [Апресян 1996: 527–533], признает в русском языке только один глагол ‘быть’, имеющий связочные и несвязочные употребления, причем в некоторых контекстах (ср. *негде спать ~ было негде спать, у меня есть деньги ~ деньги у меня*), как утверждается, происходит «перетекание» несвязочных употреблений в связочные [там же: 530–532]. Эта точка зрения тоже опирается на предварительные соглашения о том, что такое «класс слов», «синтаксический признак» и каковы критерии тождества «лексемы», т. е. слова как единицы словаря.

Компромиссная точка зрения состоит в том, что связка ‘быть’ (Ø / был / будет) и полнозначный глагол ‘быть’ (*есть* / был / будет) — разные слова, парадигматически противопоставленные в настоящем времени. Ю. Д. Апресян [там же: 515] усматривает ее в схеме толкования в «Малом академическом словаре» под редакцией А. П. Евгеньевой [МАС]. То же представление отражено в статье Э. Бенвениста о глаголах ‘быть’ и ‘иметь’ в языках мира, где о противопоставлении «нулевая морфема vs *есть*», выражающем в русском языке контраст между связочным и полнозначным употреблением глагола ‘быть’, говорится как об установленном факте [Benveniste 1960; 1966; Бенвенист 1974: 209], а также в позднейших типологических работах, где русский язык со ссылкой на Э. Бенвениста помещается в класс языков мира с нулевой связкой в настоящем времени, куда также входят венгерский, арабский и многие австронезийские языки [Stassen 1994; Pustet 2003]. Утверждение о закреплённом в русской грамматике и словаре противопоставлении связки *быть* (реализующейся в настоящем времени как Ø) и глагола существования *быть* (реализующегося в настоящем времени в виде формы *есть*) делается также в статье [Тестелец 2008: 774]. Я. Г. Тестелец доказывает, что статус связки, в том числе нулевой, проясняется формальными грамматиками составляющих, так как связка является (**есть*) вершиной группы особого типа, так называемой «малой клаузы». Такой анализ требует дополнительных соглашений о «структуре составляющих» и о том, что такое «клауза» и «малая клауза». Впрочем, два первых понятия, а возможно, и третье, могут быть причислены к фундаментально значимым. На практике это значит, что они признаются необходимыми более чем в одной версии теории синтаксиса. Но есть и эмпирическая трудность: факты русского языка соответствуют гипотезе о парадигматическом противопоставлении двух глаголов Ø / был / будет vs *есть* / был / будет лишь частично.

Во-первых, как отмечено в [Апресян 1996] и в [Дымарский 2018], нулевая форма ‘быть’ может реализоваться в ряде экзистенциальных и посессивных конструкций, ср. *А у нас Ø в квартире газ*. Сторонник гипотезы о двух глаголах ‘быть’ будет вынужден либо постулировать ad hoc для соответствующих контекстов

«нейтрализацию», стирание противопоставления связка vs полнозначный глагол¹, либо, наоборот, постулировать ad hoc для предложений в парах типа *А у нас в квартире ∅ газ vs А у нас в квартире **есть** газ* разные значения во всех случаях употребления. Агностик скажет, что если в русском языке и есть два разных глагола ‘быть’, контексты типа *А у нас в квартире ∅ / **есть** газ* не годятся для их диагностики, поскольку в них допустимы оба варианта без явного различия в значении². Во-вторых, у формы ‘есть’ есть связочные употребления, ср. *Коммунизм **есть** электрификация плюс Советская власть, Вася **и есть** автор этой работы, Вы, батюшка, **и есть** наш лидер* и т. п. В контексте <X **есть** Y> связка *есть* имеет значение 3 л., а в контексте <X **и есть** Y> комбинируется с субъектными местоимениями в 1–3 л. в ед. ч. и мн. ч. (*Я, ты, Вы, он, она, оно, мы, вы, они и есть Y*).

Если изложенные данные верны, возобладавшая в русистике и за ее пределами точка зрения о том, что в русском языке современной эпохи (XX–XXI вв.) выделяются два разных глагола ‘быть’, которым якобы соответствуют разные парадигмы, искажает факты. Хотя эта точка зрения проникла в обзорные работы по типологии и теории грамматики, она — лингвистический миф, который должен быть отвергнут в претендующих на адекватность описаниях русской глагольной лексики. Отдельный вопрос состоит в том, в какой мере искажения фактов в исходных описаниях уменьшают валидность обобщений типолога. Для помещения русского языка в класс языков с нулевой связкой, видимо, достаточно констатации того, что в одних предложениях русского языка нулевую связку нельзя заменить на ненулевую, а в других предложениях она является одним из вариантов. Правда, типологу и его читателям придется допустить, что исходные наблюдения над дистрибуцией связок в русском и других языках верны, а понятие нулевой связки универсально, иначе все разбиение языков мира на классы может пойти прахом. Но *есть* (*∅) другой, не менее важный вопрос: почему, несмотря на то, что лексикографический подход [Апресян 1996], с каталогизацией всех употреблений глагола ‘быть’ в русском языке XX–XXI вв., выявляет ложность гипотезы о двух лексемах ‘быть’, эта гипотеза продолжает использоваться? Ответ (**есть*) на поверхности: лексикографический подход, в терминах Ю. Д. Апресяна — «портретирование» глагола ‘быть’, не очерпывает всех проблем, встающих в связи с дистрибуцией синтаксических элементов ‘∅^{БЫТЬ}’ и ‘*есть*’. Для теории грамматики важно, что на материале русского

¹ Без дополнительного обоснования, т. е. фактически — без разработки общей теории грамматики на основе представления о релевантных признаках грамматических форм и конструкций, устроенных аналогично дифференциальным признакам фонем, неочевидно, применимо ли фонологическое понятие «нейтрализации» [Trubetzkoy 1939] к грамматике или же речь идет о метафоре.

² Такой же подход может быть распространен на другие случаи конкуренции грамматических форм и конструкций, в том числе — на противопоставление форм им. п. и тв. п. в предикативной позиции. Ср. *он был дураком / умным человеком vs он был дурак / умный человек*. Разброс мнений о том, синонимичны ли предложения в подобных парах [Пешковский 1928: 288; Гиро-Вебер 2007; Nichols 1981], отражает не только различие вкусов лингвистов (которое вполне естественно в ситуации внутриязыкового варьирования), но и желание последних расставлять знаки приемлемости предложений и приписывать им значения ad hoc в соответствии с предсказаниями отстаиваемой теории, т. е. эффект самовнушения (priming effect).

языка прослеживается (= *есть*) устойчивая корреляция между предположительно универсальными логико-семантическими типами предложения (бытийные, possessивные, локативные предложения, предложения тождества, идентификации, характеристики, приписывания признака) и исторически сложившимся в русском языке к XX в. распределением нулевой и ненулевой форм глагола 'быть', что показано в работе [Арутюнова 1983]. Для изучения данной корреляции можно, а порой и нужно, отвлечься от полного каталога употреблений лексемы 'быть' и ограничиться 3–5 контекстами, ср. обзор некоторых контекстов в [Янко 2001: 322–325]. Словарный и грамматический подходы к описанию употреблений глагола 'быть' тем самым дополняют друг друга. Каждый из них «правилен», но важно понять, какие исходные данные теория получает на входе и какие ограничения использованный метод налагает на интерпретацию результатов на выходе³. Принцип дополнительности и множественности описания применяется в лингвистике редко, среди исключений см. [Гак 1998; Крылов 2004], что, возможно, отражает небольшой стаж современной лингвистики как автономной научной дисциплины.

Освоенное лингвистикой модельное понятие *нулевой связки*, выдвинутое А. М. Пешковским [Пешковский 1928: 303], опирается не только на специфический материал русского языка, но на общие соображения о связи между означаемым и означающим: эта модель, позже развитая Р. О. Якобсоном и И. А. Мельчуком [Якобсон 1985: 225–227; Mel'čuk 1995: 169–179], обосновывает существование нулевых лексем, аналогичных выделенным ранее нулевым словоизменительным морфемам. Противники гипотезы о двух глаголах 'быть' в русском языке, насколько нам известно, не отвергали представление о нулевой связке, в то время как для первых сторонников гипотезы о двух глаголах 'быть' — А. М. Пешковского и Л. В. Щербы — эта гипотеза была дополнительным подтверждением реальности нулевой связки: чем в большее количество противопоставлений вовлечена постулированная категория в конкретном языке, тем больше оснований верить в ее существование и в позитивную ценность описания, оперирующего понятием 'нулевого знака'. Тем самым дискуссия о двух глаголах 'быть' в русском языке действительно опирается на «пункты согласия» в смысле А. Гардинера — в том, что а) связочные употребления поддаются диагностике и б) применение гипотезы о нулевой связке 'быть' к материалу русского языка оправдано.

II

Вернемся к общей проблематике, которую вновь будем рассматривать на частном примере. Современная лингвистика претендует на роль *естественной* науки.

³ Некоторые соображения в данном конкретном случае указывают на то, что лексикографический подход к определению числа глаголов 'быть' заслуживает предпочтения, поскольку вопрос о числе лексем и критериях тождества должны решать лексикографы, а не синтаксисты. Однако понятие «лексемы» и способ толкования тоже может заключать в себе грамматическую информацию, поэтому сопоставление разных подходов к тому, чем является грамматика с точки зрения лексикографа и чем является словарь с точки зрения синтаксиста, необходимо.

Естественные науки предсказывают факты на основе предиктивных моделей. В контексте случившегося в XX в. окончательного размежевания лингвистики со смежной наукой, *филологией*, эта претензия правомерна. Предметом интереса филологии являются *тексты*, понимаемые как фиксированные вербальные произведения, а также классификация жанров текста. Предсказание уникального невозможно, а утверждение о месте конкретного текста в системе жанров нельзя считать предсказанием. Напротив, лингвистика притязает на выявление автоматически реализуемых механизмов, проявляющихся независимо от конкретного языка и конкретного говорящего / пишущего. Предмет лингвистики — все уровни и аспекты существования естественного языка, где такие механизмы могут быть выявлены — от фонетики до семантики, от внутри- и межъязыкового варьирования до факторов языковой эволюции и филиации языков.

Эффективность предсказания зависит от избранной модели и от сопротивления материала. Противопоставление *описания* фактов их *объяснению*, т. е. предсказанию на основе правил, корректно, но языковые факты не даны в откровении и не существуют в отрыве от теорий и модельных понятий. Они, кроме того, слабо рефлектируются. Распределение внешне невыраженной (\emptyset) и выраженной (*есть*) форм глагола 'быть' доступно любому носителю русского языка, но разные решения профессиональных лингвистов мотивированы тем, что они преследуют разные цели — обосновать важность противопоставления связочных vs несвязочных предложений, экзистенциальных vs неэкзистенциальных предложений, дать лексикографический портрет глагола 'быть' и т. п. — и по-разному трактуют такие модельные понятия, как «лексема», «парадигма форм слов», «грамматическая конструкция», «часть речи», «нулевой знак». Такого «факта», как объединение элементов \emptyset и *есть* в парадигме одного и того же русского слова или отнесение их к разным парадигмам, вне процедуры анализа нет.

Слово «модель» в обыденном языке многозначно. Слово «модель» в языке науки должно стремиться к однозначности. Но научные тексты пишутся людьми, использующими элементы обыденного языка. Остаются подводные камни. В тривиальном смысле модельной₁ можно признать любую категорию описания, являющуюся частью согласованной системы метаязыковых понятий⁴. Упомянутые выше понятия *нулевого знака* и *лексем* — модельные₁, поскольку они связаны с другими понятиями, такими, как «знак», «означающее», «значение», «парадигма». В специальном смысле естественных наук модель₂ — это тестируемая на конкретном материале гипотеза о соответствии наблюдаемого образцу. Между моделью₁

⁴ Уместно потребовать, чтобы в описаниях разных языков мира одна часть метаязыковых категорий была универсальными понятиями, т. е. понятиями, потенциально применимыми ко всем языкам мира, где есть соответствующие явления, а прочие понятия были производны от первых. Слово 'потенциальный' означает, что некоторые явления, например, морфологический падеж, нулевые морфемы, нулевые лексем

и моделью₂ не всегда обнаруживается соответствие, так как не все модели₁ эмпирически проверяемы. В 1892 г. Я. Ваккернагель обосновал существование класса *энклитик второй позиции*, т. е. слабоударных элементов, располагающихся после начального элемента предложения [Wackernagel 1892]. Это понятие — часть модели₁, оно тесно связано с модельными₁ понятиями «ударного слова», «безударного слова», «энклитики», «порядка слов», «синтаксического расстояния». Одновременно Я. Ваккернагель показал, что энклитики второй позиции можно выделить в ряде древних индоевропейских языков, включая древнегреческий и древнеиндийский. Это открытие, названное «законом Ваккернагеля», можно интерпретировать по-разному. Во-первых, можно предположить, что такая метаязыковая категория, как «энклитики», нужна в описании лишь тогда, когда у элементов данного класса есть дистрибуция, предсказываемая законом Ваккернагеля, иными словами, «вторая позиция» — это дефиниционное свойство энклитик. Такая формулировка озвучивается редко, но соответствующее понимание *de facto* отражено во многих исторических и синхронных грамматиках языков мира, где раздела об энклитиках нет, несмотря на то, что элементы, подводимые под определение энклитик, т. е. безударных слов, стоящих после ударных элементов, в этих языках есть. Накопленные в XX в. наблюдения над языками мира указывают на разные типы расстановки энклитик и проклитик [Klavans 1985; Sadock 1995; Aikhenvald 2002; Lee, Billings 2005; Cysouw 2005]. Поэтому в перспективе описания всего многообразия энклитик закладывать в их определение критерий «второй позиции» неразумно. Тем не менее прощаться с этой точкой зрения рано. В последние десятилетия появились работы, где утверждается, что энклитики и другие предполагаемые элементы второй позиции, например, финитные глаголы (*finite verbs*), на некотором уровне репрезентации всегда стоят во второй позиции в пределах своей синтаксической области [Rizzi 2004; Benincà, Poletto 2004]. Есть также работа, где утверждается, что энклитики второй позиции, вопреки наблюдаемому на поверхности порядку слов, на самом деле стоят в *первой* позиции, а предыдущие элементы относятся к другой синтаксической области [Agbayani, Golston 2010]. Подобные априорные модели₁ не являются моделями₂, позиция энклитик определяется в них на основе допущений о соотношении разных уровней репрезентации структур, куда вставляются энклитики, а разметка синтаксических областей является следствием этих допущений.

Во-вторых, закон Ваккернагеля можно интерпретировать как статистически значимую тенденцию порядка слов, которая может проявиться или не проявиться в конкретном языке. Возможен сценарий, когда одна часть энклитик в некотором языке подчиняется закону Ваккернагеля, а другая — нет, а также сценарий, когда некоторый язык в один период времени подчиняется закону Ваккернагеля, а в

из описаний языков мира вообще все модельные понятия, претендующие на универсальную применимость [Haspelmath 2010; 2015a], едва ли реализуемо. Впрочем, и выдвигалось это требование в рамках специализированной области лингвистики — лингвистической типологии, и при этом в контексте специальной инженерной задачи — упрощения и стандартизации описаний языков мира при подготовке типологических баз данных и атласов языков мира.

другой — нет. В этих случаях выдвижение гипотезы о том, что закон Ваккернагеля действует в конкретном языке L, придает ей статус модели₂. Остановимся на двух прецедентах. В.И. Абаев в работах 1930–40-х гг. показал, что закон Ваккернагеля действует в осетинском языке для ряда местоименных и неместоименных слов [Абаев 1949]. Это открытие сделано *самим носителем осетинского языка*, почерпнувшим модельные₁ понятия энклитик и закона Ваккернагеля из описаний других языков и решившим, что они повышают точность описания родного языка. А.А. Зализняк в начале 1990-х гг. показал, что данный закон действовал в древнерусском языке и предсказывал позиции энклитических частиц, местоимений и связок [Зализняк 1993: 280–303]. Это плод наблюдений над *чужим языком*: современный русский не дает здесь ориентира, поскольку в нем закон Ваккернагеля, по крайней мере, по выдвинутым А.А. Зализняком критериям, не действует, а предыдущие описания древнерусского языка скорее запутывают картину, чем проясняют ее. Толчок дали открытие и расшифровка ранее недоступного массива текстов — берестяных грамот. Оказалось, что гипотеза о действии закона Ваккернагеля в древнерусском языке (модель₂) успешно предсказывает расположение энклитик не только в этом массиве⁵, но и в ряде ранее известных текстов, предположительно близких к устной речи, например, в прямой речи персонажей «Повести временных лет» и «Киевской летописи», а также в ряде памятников XIII–XV вв., в той или иной мере сохраняющих точки соприкосновения с устной речью и собственными последней механизмами расстановки энклитик. Последняя часть тезиса подробно доказывается в книге [Зализняк 2008]. Не вникая в историко-филологические тонкости, можно констатировать, что при отказе от гипотезы о действии закона Ваккернагеля не только расстановка энклитик, но весь порядок слов древнерусского языка оказывается зоной хаотического распределения, в то время как при ее выдвижении порядок слов можно описать на основе небольшого числа ограничительных условий⁶.

Ложное представление об отсутствии у древнерусских энклитик фиксированного места объясняется тем, что авторы предшествующих работ пытались установить место связочных, местоименной энклитики и энклитических частиц для каждого элемента отдельно, не различая два аспекта правил — *внутренний*, т. е. позицию клитик относительно друг друга (clitic-internal ordering), и *внешний*, т. е. позицию энклитики / цепочки энклитик в предложении (clitic-external ordering). Характер взаимодействия этих правил неспецифичен для древнерусского языка. То же соотношение было выявлено более 120 лет назад еще Я. Ваккернагелем на другом материале. Но если предположить, что человек, перед которым поставлена задача описать порядок энклитик, не имеет готовой модели₁, а должен вывести ее

⁵ Базис для верификации увеличивается с открытием каждой новой грамоты, содержащей энклитики.

⁶ Мы полагаем, что А.А. Зализняк имел в виду именно это, говоря о том, что «древнерусский традиционнo (и в значительной мере ошибочно) рассматривается как язык со свободным порядком слов. Этим можно объяснить тот факт, что рассматриваемые здесь правила <относительного расположения энклитик — А. Ц.> не были выявлены ранее» [Зализняк 1993: 281].

самостоятельно на основе дистрибуции элементов в текстах языка L, взаимодействие двух типов правил нетривиально. Правила внутреннего расположения энклитик опираются на математическое понятие *непосредственного предшествования*. Предполагается, что для любой пары энклитик a и b устанавливается отношение $a > b$ «a непосредственно предшествует b» и что последовательность энклитик, удовлетворяющая данному критерию, является объектом особого рода, так называемой *цепочкой* (clitic cluster), т. е. упорядоченным множеством $\{a, b, c \dots n\}$, занимающим ту же позицию, что любая одиночная энклитика $k \in \{a \dots n\}$. Специфика языков с законом Ваккернагеля такова, что правила внешнего расположения энклитик опираются не только на понятие непосредственного предшествования, но и на понятие относительного расположения элементов (*предшествования*). Для оценки *внешней* позиции цепочки энклитик / одиночной энклитики $k \in \{a \dots n\}$ в общем случае не важно, стоит ли она после глагола, существительного, наречия или чего-то еще. Важно *синтаксическое расстояние*: между цепочкой энклитик / одиночной энклитикой $k \in \{a \dots n\}$ и левой границей предложения должен быть ровно один элемент. В примере (1) четыре энклитики *же, ми, ся, еси* образуют цепочку, которая стоит после первого ударного слова *ако*, т. е. во второй позиции от начала предложения. То, что смежные элементы = *же* = *ми* = *ся* = *еси* не являются случайным объединением безударных слов, подтверждается тем, что пишущий расположил их именно в том порядке, который предсказывается шаблоном внутреннего упорядочения энклитик, выдерживаемым во всех древнерусских текстах.

(1) ДРЕВНЕРУССКИЙ

Ако = [*же* = *ми* = *ся* = *еси*] самъ върекль (Хлебн., л. 147, под 1150 г.).

Представленное в [Зализняк 1993; 2008] доказательство того, что в русском языке домонгольского периода часть энклитик, включая возвратную частицу *ся*, подчинялась закону Ваккернагеля, основано на комбинации базового правила, ставящего все энклитики после первого ударного слова, с контрправилом, смещающим энклитики в постпозицию ненаначальному элементу Y, ср. нотацию $[X] — Y = CL$, соответствующую колебаниям типа др. рус. *того* (X) = *ся* (CL) *отъступилъ* \Rightarrow [*того*] (X) *отъступил* (Y) = *ся* (CL). Эта процедура сближает описание Зализняка (предиктивную модель₂, предсказывающую порядок энклитик) с априорными моделями₁, где энклитики всегда стоят во второй позиции. Действительно, А. А. Зализняк пишет, что в предложениях вида $[X] — Y = CL$, начальный элемент [X] («барьер», в его терминах) «как бы можно не учитывать»⁷, и допускает, что «отчлененная часть» была отделена паузой [там же]. Однако полного сходства нет. Во-первых, А. А. Зализняк воздерживается от экстраполяции своего описания на другие языки. Во-вторых, эффективность описания А. А. Зализняка не зависит от допущения, что начальный «барьер» [X] отделен от последующей части фонетически. Это лишь эвристика, догадка автора модели₂ о том, как правило $X — CL \Rightarrow$

⁷ «...правила о расположении энклитик действуют после этого так, как если бы отчлененной части в предложении вообще не было» [Зализняк 1993: 286].

[X] — Y = CL реализовалось в устной речи носителей мертвого языка. Из двух равноценных объяснений — считать или не считать барьер [X] частью той синтаксической области, где стоит энклитика, А. А. Зализняк выбрал второе. Возможно потому, что оно показалось ему проще, а в его материале бесспорных примеров, где работало бы только одно из этих объяснений, нет. Зато в других языках с законом Ваккернагеля, в частности в региональных вариантах сербохорватского, словацкого языков и в древнечешском языке [Čavar, Wilder 1999; Циммерлинг 2002: 85–87; Циммерлинг 2013: 484], такие случаи есть. В предложениях с барьером возникает фиксированный порядок с глаголом (символ ‘V’ в нотации) на втором месте и энклитикой на третьем, $X — CL... V \Rightarrow [X] — V — CL$, т. е. закрепляется место еще одного элемента относительно начала предложения. Этот факт опровергает гипотезу о том, что категория [X] не играет роли для упорядочения последующей части предложения, содержащей энклитики.

Если допустить, что расстановка энклитик в языках с законом Ваккернагеля регулируется одними и теми же ограничительными условиями, то при описании древнерусского языка следует предпочесть синтаксическое объяснение, так как оно имеет большую предсказательную силу на множестве уже описанных языков с правилом барьера. Неясно, можно ли параметризовать этот класс, выделив предполагаемые языки с «несинтаксическим» и «синтаксическим» барьером: речь скорее идет о разных способах описания одного и того же материала, ср. [Progovac 1996] vs [Radanović-Kosić 1996]. Зато другая черта языков с законом Ваккернагеля — постановка энклитик после первого фонетического слова (X) vs после первой группы члена предложения (XP) — параметризуется хорошо. В особую группу выделяются X/XP языки типа сербохорватского, луисеньо и варльпири, где энклитики могут стоять как после первого фонетического слова, так и после первой группы [Anderson 1993]. Эти и прочие настройки параметров, определяющих возможный набор начальных элементов, к которым присоединяются энклитики, обсуждаются в [Циммерлинг 2013: 108–110; 355–384]. А. А. Зализняк, как и до него Я. Ваккернагель, принимает в расчет лишь языки подтипа X — CL, где энклитики / цепочки стоят после первого фонетического слова, трудно их за это упрекать, поскольку в их подборке XP — CL языков и X/XP — CL языков нет. Но любому лингвисту, какой бы пиетет перед предшественниками он не испытывал, все же придется параметризовать признак ‘± наличие полной группы перед клитиками’, если он поставит себе задачу описать известные языки с законом Ваккернагеля или пожелает установить сходства и различия в правилах упорядочения энклитик в таких языках, как древнерусский, древнегреческий, хеттский (X — CL), чешский, словацкий, осетинский, пашто (XP — CL), сербохорватский, варльпири (X/XP — CL).

Классы и подклассы языков мира в параметрической типологии — тоже теоретические конструкты, которые держатся на используемой сетке параметров и представлениях об их внутренней структуре [Longobardi 2001; 2005; Baker 2008; Roberts 2012]. Лингвисту остается утешать себя тем, что решения о помещении языков L_1 и L_2 в общий класс L верифицируемы в той мере, в которой значения признака, признаваемого диагностическим для L, в L_1 и L_2 совпадают и сам признак таков,

что принимаемые им значения поддаются проверке в массиве данных. Процедура описания варьирования, основанная на ранжировании параметров, имеет свои изъяны, но она операциональна. Надо лишь помнить, что такого дотеоретического «факта», как отнесенность древнерусского или сербохорватского к «классу языков с законом Ваккернагеля» или «классу языков с цепочками клитик» нет и быть не может.

Подведем итоги нашего экскурса и выдвинем три методологических положения:

- (i) При наличии альтернативных описаний следует выбрать то, которое имеет большую предсказательную силу.
- (ii) При прочих равных условиях имеют приоритет те модели₂, которые предсказывают варьирование в более обширном классе языков.
- (iii) Параметризация языкового многообразия повышает предсказательную силу моделей₂.

III

В последние десятилетия обрело популярность мнение, будто подлинное объяснение в лингвистике возможно лишь на уровне *глобальных концепций языка*, ср. характерные формулировки в учебнике [Radford 1995]. Такие концепции в англоязычной традиции называются термином «framework», а в русской именуются «интегральным описанием языка». Часто они связаны с выдвижением или отрицанием гипотезы о существовании врожденной универсальной грамматики, но в контексте нашего рассуждения это привходящее обстоятельство, показывающее, какого рода идеи в конце XX — начале XXI в. могут служить стимулом для очередной глобальной концепции языка. Framework — не дедуктивно замкнутая теория, а лингвистический идеал, инструкция, как описывать естественный язык на основе небольшого числа базовых принципов. У интегральных концепций языка два достоинства. Во-первых, они обогатили лингвистику большим числом модельных₁ понятий. Во-вторых, они внесли вклад в унификацию языка описания и облегчили коммуникацию лингвистов, работающих в рамках данного framework.

Недостатки глобальных концепций языка не менее очевидны. Frameworks претендуют на *интегральность*, т. е. на объединение всей релевантной информации, касающейся структуры языка: чем шире спектр исследований в пределах избранного framework, тем меньше его приверженцы нуждаются в выходах за его пределы. Проблема в том, что хорошо описывается лишь небольшая часть фактов, а в других случаях задается некоторый предел огрубления на фоне существующих точных *аспективных* описаний и предиктивных моделей₂⁸. Положение можно пытаться исправить — правда, на это не хватит всей жизни, — настойчиво привлекая

⁸ Если считать, что язык как предмет описания интегральной теории языка является цельным объектом, выдвинутое нами утверждение о неизбежности огрубления в описании с позиций

внимание законодателей мод в том или ином framework к явлениям, которые те понимают хуже всего⁹, но основной дефект, видимо, неустраним. Сложность естественного языка такова, что любая формализованная интегральная теория, основанная на строго монистических принципах, недостаточна: делая акцент на анализе явлений, которые неточно описываются конфликтующими с ней интегральными теориями, она проигрывает в точности описания других явлений. Кроме того, встает вопрос: если применение предиктивных моделей₂ не зависит от выбора между глобальными теориями языка А, В и С (см. выше в п. II комментарий к возможным трактовкам правила барьера в древнерусском языке), какую новую информацию мы получим от их адаптации к понятийному аппарату этих теорий?

Предложим свой вариант ответа: новая информация при адаптации предиктивной модели M_1 к аппарату глобальной теории А возникнет, если это позволяет строить модифицированную предиктивную модель M_{1a} , дающую лучшие результаты на материале одного или нескольких языков. Используем прежнюю иллюстрацию с правилом барьера $X — CL... V \Rightarrow [X] — V — CL$ в парах предложений типа др. рус. *того* (X) = *ся* (CL) *отъступилъ* \Rightarrow [*того*] (X) *отъступил* (Y) = *ся* (CL). Само наличие альтернатив данного типа в классе языков с законом Ваккернагеля — более важный факт, чем выбор одной из формальных моделей этой альтернативы, не потому что эти модели плохи, а потому, что они не нужны для решения ряда задач: (под)класс языков с правилом барьера можно выделить независимо от соображений относительно того, какими механизмами эти правила порождаются. Правда, без дополнительных данных неясно, пересекается ли этот класс с классом языков с законом Ваккернагеля или же один из этих классов является собственной частью другого.

Из двух возможных объяснений правил барьера — фонетического и синтаксического — первое не принимает в расчет информации о синтаксической структуре предложения с энклитиками, а второе учитывает ее. Рассуждая абстрактно, нельзя установить, что лучше: под рукой будут разные глобальные теории, с помощью которых можно обосновать любое решение, см. обзор [Halpern 1996: xi — xiii]. Эмпирика подсказывает, что есть языки с правилом барьера, где от синтаксического состава предложений с барьером и энклитиками нельзя отвлекаться. Поэтому, по постулату (ii), второе объяснение имеет приоритет. Синтаксис, однако, может присутствовать в формулировке правила барьера в разном объеме. Необходимый минимум на «входе» касается сведений о *наличном составе* элементов (глагол, именная группа и т.п.). Целесообразно также отразить представление о *направленности* преобразования $X — CL... V \Rightarrow [X] — V — CL$, чтобы выражение слева от стрелки \Rightarrow трактовалось как исходное, а выражение справа — как производное. Это уточнение помещает синтаксическое представление правила барьера в класс

интегральной теории при допущении, что некоторые характеристики объекта данная теория все же описывает точно, равнозначно утверждению, что лингвистические описания подчиняются принципу неопределенности Гейзенберга.

⁹ В разных глобальных теориях уязвимыми местами могут быть просодия, морфология, лексическая семантика, порядок слов и т.п.

трансформационных грамматик с заданным вектором преобразования. Такие объяснения используются в самых разных областях лингвистики, но трансформации в моделях синтаксиса имеют свою специфику. Имеет смысл уточнить, за счет какой операции возникает порядок слов в производном предложении $[X] — V — CL$, где начальная категория $[X]$ ведет себя как барьер, сдвигающий энклитику вправо на шаг дальше. Вариант ответа предлагает теория (= модель) формальных грамматик с оператором *перемещения* (movement), ср. [Stabler 1997]. Предложения с производным порядком слов, т. е. тем, что в традиционной лингвистике называется «инверсией», ср. рус. *Возвращается Петька из разведки*, порождаются на основе предполагаемых исходных предложений типа *Петька возвращается из разведки* не путем слепого отображения порядка XY в порядок YX, а за счет изменения положения какого-то одного активно перемещающегося элемента, в данном примере — глагола, ср. запись, где символ ‘ $_i$ ’ указывает на исходное место глагола: *Возвращается, Петька $_i$ из разведки*¹⁰. Тот же аппарат применим и к предложениям типа *Того отъступилъ, ся $_j$* , где гипотеза о перемещении глагола в позицию, предшествующую позиции энклитик, уместна. Если лингвист, объясняющий правило барьера в терминах перемещения, захочет отразить тот факт, что в языке с законом Ваккернагеля ограничения, накладываемые на место энклитик в предложении, более значимы, чем ограничения, накладываемые на место глагола в предложении — а это утверждение верно по отношению к большому числу языков данного класса, — и что порядок $X — CL \dots V$ с энклитиками во второй позиции от начала является источником порядка $[X] — V — CL$ с энклитиками в третьей позиции от начала, то ему, возможно, придется постулировать не только перемещение глагола *справа налево* (ближе к началу предложения, right-to-left movement), но и перемещение энклитик в обратном направлении, *слева направо* (ближе к концу предложения, left-to-right movement). Это понимание запечатлено в нотации (2), модифицированной вслед за [Zimmerling, Kosta 2013]: нижний индекс ‘i’ указывает на место энклитик, а нижний индекс ‘j’ — на место глагола.

$$(2) \quad X — CL \dots V \Rightarrow [X] — _i V_j — CL_i \dots _j.$$

Лингвист, объясняющий правило барьера в терминах перемещения, может отказаться от идеи о перемещении энклитик, ограничившись гипотезой о перемещении

¹⁰ Технически, «перемещенный» элемент α в теории формальных грамматик является участком дерева предложения (поддеревом) в структуре вида $X_\alpha Y Z_\alpha$, где допускается более одного вхождения α . Перемещения α не создают синтаксических позиций (поддеревьев) X, Z, U, W, а лишь меняют их заполнение. Операции преобразования уже построенного дерева, в результате которых возникают новые категориальные объекты вида X_α , т. е. «поддерево, соответствующее категории X, заполненное перемещенным элементом α », каузально мотивированы наличием некоторого абстрактного свойства (feature-driven), делающим их необходимыми или возможными. Такая модель имеет обширную область применения в естественном языке хотя бы потому, что порядок слов предсказуем и изменение линейного порядка всегда мотивировано теми или иными семантическими или коммуникативными причинами.

глагола, как поступили, например, Д. Чавар и К. Вильдер в описании хорватского варианта сербохорватского языка [Čavar, Wilder 1999]. Такие решения мотивированы не только формализмом (в том варианте генеративной грамматики, который отстаивают Д. Чавар и К. Вильдер, перемещения слева направо (left-to-right movement) запрещены), но и той задачей, которую решает лингвист.

Итак, по мере насыщения простого правила линейного порядка, каким является правило барьера, информацией о синтаксической структуре предложения, содержащего энклитики, это правило все теснее привязывается к классам формальных моделей₁, использующих понятие трансформации, перемещения (или эквивалентные ему представления об операциях, меняющих порядок слов) и постулатам о свойствах перемещения. Понятие перемещения было предложено в рамках глобальной теории (генеративной грамматики Н. Хомского), поэтому у читателя может возникнуть вопрос: не лучше ли принять ее исходные положения открыто, тем более что в ней эксплицитно оговариваются постулаты о перемещениях, см. [Pollock 1989], а также предлагаются готовые ответы на другие важные вопросы — как порождается предложение, как выглядит универсальная иерархия членов предложения, чем именно клитики отличаются от других элементов и т. д. и т. п. Не повысит ли это точность предсказаний? Увы. Объединение в одном «флаконе» того, что нужно для «лечения» (допущений, необходимых для построения предиктивной модели₂ и решений, повышающих ее точность на избранном материале), и готовых ответов на все вопросы — ловушка. Сличение априорной модели₁ с материалом — законная проблема. Но лингвист, который для построения предиктивной модели₂ предсказывающей распределение линейных порядков вида XYZ ~ XXУ в конкретном языке, нуждается в избыточной информации, например, в сведениях о последней версии гипотезы об универсальной иерархии фразовых категорий, или в постулатах о том, имеет ли язык модулярную или уровневую природу и присутствует ли универсальная грамматика в мозгу маленьких детей, подобен русскому писателю XVII в. Этот замечательный человек для обоснования своей жизненной и теологической правоты начал автобиографию с Символа Веры, а затем подробно обсудил (Псевдо-)Дионисия Ареопагита¹¹.

В используемой в минималистской программе модели₁ перемещения уязвимое место очевидно. Это то, что составляет предмет гордости ее разработчиков, — привязка линеаризации к алгоритму, выстраивающему дерево предложения снизу вверх (down-to-top). Постулат Фиенго [Fiengo 1977] разрешает перемещения элементов снизу вверх, т. е. при заданных условиях ветвления — *справа налево*, и запрещает перемещения в обратном направлении. Это догматическое требование, которое усилено в более поздней работе [Кауне 1994]. Как показали построенные почти одновременно с выходом книги Р. Кейна математически строгие минималистские грамматики с оператором перемещения [Stabler 1997], эффективность

¹¹ Преклоняюсь перед мощью и подвигом этого человека, оставившего замечательные образцы русского языка. Но параллели между объяснениями на основе глобальных теорий языка и теологическим спором в моих глазах не повышают престиж науки.

вычисления не меняется из-за запрета/разрешения на перемещение в двух направлениях. Для описания большинства альтернатив линейных порядков вида $XYZ \sim XZY$ информация о порождении дерева предложения не нужна, требуется понять отношение этих порядков по отношению друг к другу и установить, является ли один из них источником другого. В языках мира есть случаи, которые хорошо описываются правилами перемещения слева направо и хуже описываются иначе, ср. [Otsuka 2005; Manetta 2012; Overfelt 2015; Polinsky 2019]. Неудивительно, что такие случаи есть и в языках с правилами барьера¹². Выдвинем еще два методологических положения:

- (iv) При наличии альтернативных способов описания языковых явлений приоритет имеют те модели₂, которые не связаны с единственной глобальной моделью₁, но совместимы с классом моделей₁, опирающихся на разные исходные допущения.
- (v) Предиктивные модели₂ не должны содержать избыточной информации. Избыточная информация не повышает предсказательной силы модели и нужна для привязки к другим явлениям языка, характер связи которых с описываемым явлением не определен.

IV

Лингвистическая типология — область, которая должна соединять общую и частную лингвистику¹³. Но типологи тоже люди и тоже лингвисты. Лингвисты, как видно из нашего текста, склонны одновременно игнорировать друг друга и бороться с теориями друг друга, критиковать свою науку и апеллировать к чужим. Глобальные теории языка — развернутая апелляция к математическим и естественным наукам. Такие модельные₁ понятия, как «сегмент», «тождество», «тождественная единица», «структура», «дерево подчинения», «ветвление», «предшествование», «линейный порядок», «инвариант» и многие другие, с ними связанные,

¹² Эмпирические данные указывают на то, что правила барьера выделены не только в языках с законом Ваккернагеля, но и в других языках с цепочками клитик. Соотношение классов языков, по-видимому, таково:

(а) Языки с цепочками клитик \supset Языки с законом Ваккернагеля; Языки с законом Ваккернагеля \cap Языки с Правилами барьера.

В ряде неваккернагелевских языков с цепочками клитик, в частности, раннем новогреческом и европейском португальском, где клитики занимают смежные позиции с глаголом, правила барьера меняют просодический тип клитик, создавая альтернацию линейных порядков с энклизой и проклзой $V = CL \sim CL = V$ в одном и том же типе клауз. Запрет на перемещения слева направо вынудит лингвиста объявить конфигурацию с энклизой во всех случаях исходной. Для европейского португальского такое описание оправдано, ср. [Rouveret 1999; Циммерлинг 2002: 85], а для раннего новогреческого койнэ возможны разные решения, ср. [Rollo 1989; Mackridge 1993; 2000; Кисилиер 2011].

¹³ О соотношении типологии и сопоставительной (контрастивной) лингвистики см. проникающие соображения в книге [Гак 1983: 25–27].

*А. В. Циммерлинг.
Фото М. Н. Лабовского*

Книга содержит работы по теоретической и исторической грамматике. Они разбиты на шесть разделов, носящие название «Теория. Метод. Доказательность», «Диахрония. Синхрония. Динамика», «Семантика в зеркале грамматики», «Делить на два. Неканонические подлежащие», «Порядок слов. Теория и типология» и «Текст и язык». Обсуждается соотношение частной и общей лингвистики, вклад первой во вторую. Обосновывается принцип множественности лингвистических описаний и приоритет аспективных описаний над интегральными, претендующими на полный охват некоторой области языковых явлений. Лингвистика является наукой в той мере, в которой она позволяет строить модели, предсказывающее распределение языковых черт на некотором эмпирическом материале. Если предиктивная модель содержит лишнюю информацию, предсказание будет неточным, что можно установить, проверяя модель на некотором множестве языков мира.

ISBN 978-5-4469-1792-1

